

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

АПР
2020

Выражение признательности

Бюллетень «Перспектив развития региональной экономики» (ПРРЭ) по Кавказу и Центральной Азии публикуется каждую весну Департаментом стран Ближнего Востока и Центральной Азии (БЦД) МВФ. Анализ и прогнозы, содержащиеся в ПРРЭ, являются неотъемлемой частью надзора департамента за изменениями в экономике и экономической политикой государств-членов. Они основаны, в первую очередь, на информации, собранной сотрудниками БЦД в ходе консультаций с государствами-членами.

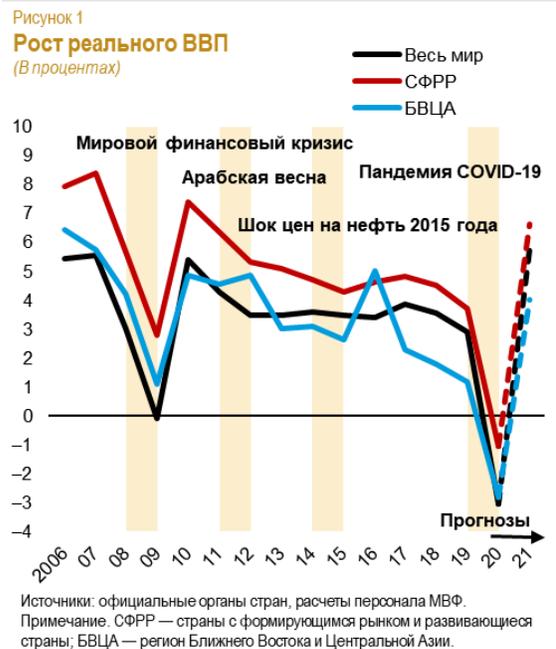
Координация анализа в этом докладе выполнялась под общим руководством Джихада Азура (директора БЦД). Проектом руководили Талин Коранчелян (заместитель директора БЦД), Бикас Джоши (начальник Отдела региональной аналитики и стратегии БЦД) и Али Аль-Эйд (заместитель начальника Отдела региональной аналитики и стратегии БЦД). Основными участниками подготовки этого доклада были Максимилиано Аппендино, Далмацио Ф. Беницио, Муссе Соу, Лин Чжу, Гази Х. Шбайкат и Николас Энд.

Гохар Абаджян, Олурем Акин-Олугбаде и Кейт Нгуэн осуществляли управление базой данных, а также оказывали содействие в исследовательской работе; дополнительную помощь оказал Такер Стоун. Административную поддержку осуществляли Татьяна Печеркина и Патрисия Погги. Редакционное содействие оказывала Шерил Токсоз из Департамента коммуникаций. Мария Атаманчук и Алексей Киреев рецензировали перевод в координации с Еленой Эйдиновой. Перевод и подготовку к печати осуществляли сотрудники Секции русского языка Службы переводов.

Изменение ситуации в мире — последствия для регионов Ближнего Востока и Центральной Азии

С распространением пандемии коронавируса (COVID-19) по всему миру прогнозируется, что **экономический рост в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии** снизится с 1,2 процента в 2019 году до -2,8 процента в 2020 году, что ниже темпов роста во время мирового финансового кризиса 2008 года и шока цен на нефть в 2015 году (рис. 1), а затем повысится до 4,0 процента в 2021 году, когда спадут угрозы, создаваемые вирусом, и глобальные меры в области политики дадут толчок экономическому подъему. Региональный прогноз на 2020 год, как и прогнозы для мира в целом, был существенно пересмотрен в сторону понижения по сравнению с представленными в октябрьском выпуске «Перспектив развития мировой экономики» 2019 года (ниже на 5,7 процентного пункта), главным образом вследствие ожидаемого экономического спада в результате пандемии, охватившей почти все страны региона, причем Иран оказался одним из основных эпицентров.

С начала вспышки COVID-19 цены на нефть упали примерно на 50 процентов (рис. 2) до самой низкой отметки за более чем двадцатилетний период с поправкой на инфляцию, поскольку ограничения на перемещение, введенные органами государственного управления по всему миру, **уменьшили спрос на нефть**, и не было заключено новое соглашение об объемах добычи между странами Организации стран – экспортеров нефти и другими производителями нефти (ОПЕК+). Заключенное впоследствии, в начале апреля, соглашение ОПЕК+ о сокращении добычи, дополненное дальнейшими сокращениями производства странами Группы 20-ти, экспортирующими нефть, может несколько поддержать цены на нефть, особенно если повысится мировой спрос¹. Цены на другие биржевые товары также резко упали вследствие **замедления темпов экономического роста в мире**. Как показано в главе 1, снижение цен на нефть является столь значительным, что ожидается уменьшение бюджетных и экспортных поступлений во всех странах региона, экспортирующих нефть, в том числе в тех, которые могли бы увеличить свою долю на рынке за счет стран-производителей, имеющих более высокие издержки. Снижение поступлений от нефти и

Настоящая глава подготовлена Лин Чжу, помощь в проведении исследовательской работы оказала Олурем Акин Олутбаде.

¹ Прогнозы роста составлены на основе данных на 3 апреля 2020 года и поэтому не учитывают соглашение ОПЕК+, заключенное 9 апреля 2020 года.

сырьевых товаров в некоторых странах приведет к сокращению возможностей для принятия мер по преодолению кризиса, создаст давление на обменные курсы и государственный бюджет, а также ослабит внешнеэкономическое положение.

Помимо катастрофического удара по здоровью людей, **пандемия COVID-19** создает экономические потрясения вследствие одновременных шоков предложения и спроса, вызывая сильное снижение цен на нефть и биржевые товары, падение внутреннего и внешнего спроса, снижение уверенности потребителей, ужесточение финансовых условий и нарушение производственных процессов и глобальных цепей поставок.

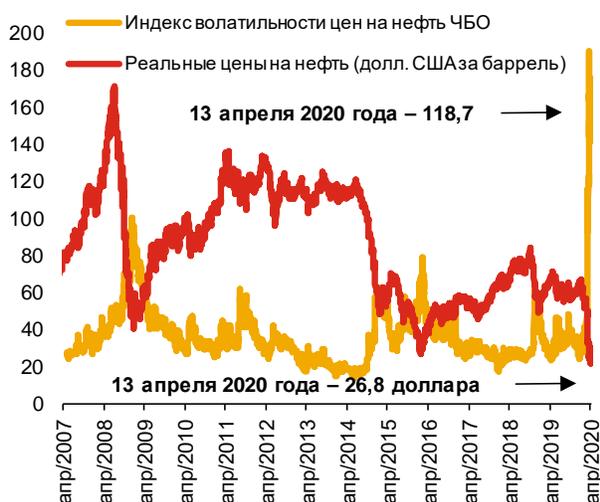
В то же время строгие меры сдерживания, введенные правительствами стран региона, и опасения инфицирования **ослабляют потребительский спрос в регионе**, особенно

в сфере туризма, гостиничного хозяйства и розничной торговли (Азербайджан, Бахрейн, Грузия, Объединенные Арабские Эмираты). Самый сильный удар, вероятно, испытают малые и средние предприятия (МСП), поскольку они имеют ограниченные буферные резервы. Кроме того, учитывая высокую долю занятости в этих секторах услуг, могут возникнуть значительные эффекты второго порядка для внутреннего спроса в регионе, если безработица повысится, и зарплаты и денежные переводы сократятся.

Другие виды экономической активности в регионе страдают вследствие **шоков предложения**. Вследствие закрытия границ в регионе и перебоев в цепях поставок отмечаются нарушения производства в обрабатывающей промышленности, тогда как планы инвестиций откладываются. Кроме того, эти неблагоприятные шоки усугубляются **падением уверенности компаний и потребителей** из-за повышенной социальной и геополитической напряженности в регионе, а также значительной неопределенности относительно продолжительности и глубины экономического спада в результате пандемии.

Тем временем произошло резкое ужесточение мировых **финансовых условий**, что усугубило проблемы региона. Цены на фондовых рынках упали на 20–30 процентов со своего пика в середине февраля — энергетические отрасли оказались в числе наиболее пострадавших, — и за тот же период глобальное восприятие риска, измеряемое индексом волатильности Чикагской биржи опционов (VIX), возросло в четыре раза и достигло рекордно высокого уровня. Несмотря на активную либерализацию денежно-кредитной политики и проводимые крупнейшими центральными банками операции в области ликвидности, во многих странах Ближнего Востока и Центральной Азии отмечается всплеск доходности по 10-летним государственным облигациям и резкий рост спредов по суверенным обязательствам. Высокочастотные данные показывают, что за март отток портфельных вложений из региона составил почти 5 млрд долларов. Такое ужесточение финансовых условий может создать существенные проблемы, учитывая, что в 2020 году наступает срок погашения суверенных внешних долговых обязательств региона на сумму, по оценкам составляющую 35 млрд долларов.

Рисунок 2
Индекс волатильности цен на нефть ЧБО и реальные цены на нефть
(Индекс и цены в долларах США за баррель)

Источник: Bloomberg Finance L.P.
Примечание. ЧБО — Чикагская биржа опционов; Индекс волатильности нефти и ЧБО измеряет ожидания рынка в отношении 30-дневной волатильности цен на нефть.

Перспективы региона обусловлены значительными экономическими последствиями пандемии COVID-19. Повышение цен на нефть — например, вследствие более высоких темпов восстановления мирового спроса на нефть после заключения недавнего соглашения о сокращении производства — может улучшить перспективы региона и является потенциальным положительным фактором для повышения роста. Однако риски для прогноза, особенно на ближайший период, указывают на сложность достижения прогнозируемых темпов роста и в высокой степени зависят от продолжительности и тяжести пандемии.

- Более тяжелая и продолжительная пандемия COVID-19 в регионе или в странах, являющихся основными партнерами региона по торговле, может вызвать продолжительное нарушение процесса производства, более широкие вторичные эффекты цепей поставок, более существенный спад уверенности и спроса и дальнейшее ухудшение финансовых условий. В то же время банки и небанковские финансовые организации, особенно имеющие недостаточно надежный уровень капитализации, могут оказаться подвержены стрессу вследствие своих открытых позиций по отношению к пострадавшим секторам и домашним хозяйствам. Все эти факторы могут усилить спад в 2020 году и ослабить подъем в 2021 году. Кроме того, неверные действия в ответ на вспышку заболевания могут усилить недоверие к местным органам управления, создавая условия для дальнейших социальных волнений и усиливая неопределенность на региональном уровне.
- Дальнейшее ослабление склонности к риску может привести к резкому сокращению потоков капитала в регион Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и Пакистана (БВСАП), особенно портфельных потоков, которые в высокой степени чувствительны к глобальному восприятию риска. Например, если индекс VIX останется на своем пике, достигнутом в марте (на уровне 83), в течение остальной части года, портфельные потоки в регион БВСАП могут сократиться на сумму до 100 млрд долларов (примерно 3 процента ВВП) (октябрьский выпуск «Перспектив развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия» 2019 года). Подобное сокращение потоков превысит совокупный приток портфельных вложений в регион в 2019 году. Такая внезапная остановка в потоках капитала может вызывать приостановку инвестиций, создать давление на платежный баланс и вызвать неупорядоченные корректировки обменного курса, особенно в странах с недостаточными буферными резервами и слабыми экономическими основами.

В этих непростых условиях неотложным приоритетом для стран региона является **ограничение распространения вируса**. Органы государственного управления во всем регионе уже начали принимать активные меры сдерживания эпидемии (рис. 3). Например, почти 80 процентов стран региона (25 стран) ввели режим частичной или полной самоизоляции. Помимо мер сдерживания, во всех странах должны осуществляться необходимые расходы на здравоохранение для обеспечения того, чтобы системы охраны здоровья были в достаточной степени подготовлены к удовлетворению потребностей населения, независимо от имеющихся бюджетных возможностей.

Как подчеркивается в главе 2, эти трудности могут быть особенно серьезными в уязвимых и переживающих конфликт странах региона (Афганистан, Ирак, Йемен, Судан) или в странах, испытывающих крупный приток беженцев (Иордания, Иран, Ливан, Пакистан). Там задача подготовки уже испытывающих напряжение систем здравоохранения к вспышке COVID-19 может дополнительно затрудняться ограничениями предложения — в том числе вследствие сокращения импорта — или рисками, связанными с пространственной близостью между людьми и трудностями социального дистанцирования в лагерях для беженцев. Чтобы облегчить решение этих задач, может

оказаться необходима своевременная внешняя медицинская и финансовая поддержка со стороны крупнейших стран мира и международных организаций. В этих условиях МВФ уже предоставил облегчение бремени задолженности Йемену.

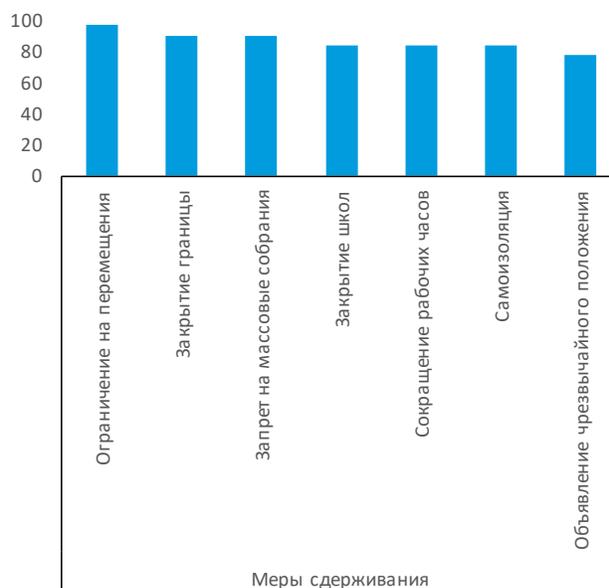
Кроме того, ответные меры экономической политики должны быть направлены на недопущение того, чтобы пандемия COVID-19 вызвала продолжительный экономический спад с долговременным ущербом для благосостояния из-за роста безработицы и банкротств. Страны уже применяют набор своевременных и адресных мер в отношении сильно пострадавших секторов и слоев населения (таблица 1), например, предоставляя денежные трансферты безработным (Казахстан) и создавая условия для получения МСП льготного финансирования (Саудовская Аравия)².

В предстоящий период в странах — экспортерах нефти, которые сталкиваются с крупными шоками спроса и резким падением цен на нефть, необходимо предпринимать меры, чтобы не допустить долговременного ущерба для ненефтяных отраслей. Учитывая неустойчивость роста и общую слабость автоматических стабилизаторов, органы государственного управления при наличии соответствующих возможностей могут проводить временные меры стимулирования для повышения совокупного спроса — когда пандемия будет поставлена под контроль и появится возможность восстановления нормальной экономической активности без риска дальнейшего распространения вируса.

В других странах, особенно в странах региона, импортирующих нефть, где бюджетное пространство ограничено, органы государственного управления могут рассмотреть вопрос об изменении приоритетов расходов, например, путем уменьшения или отсрочки расходов, не являющихся жизненно важными, либо обратиться за внешней финансовой поддержкой или помощью. МВФ уже предоставляет финансовую поддержку Иордании, Кыргызской Республике, Пакистану и Тунису, а также помощь в облегчении бремени задолженности перед международными кредиторами для Сомали, что дает каждой из этих стран дополнительные возможности для принятия мер по борьбе с пандемией. Планируется дополнительная финансовая поддержка для более широкой группы стран, и МВФ продолжает предоставлять помощь по вопросам политики всем государствам-членам.

Центральные банки должны быть готовы к предоставлению ликвидности банкам и небанковским финансовым организациям, особенно тем, которые занимаются кредитованием МСП. Органы

Рисунок 3
Принятые в странах БВЦА меры для сдерживания распространения COVID-19
(В процентах от общего количества стран БВЦА)

Источник: официальные органы стран.
Примечание. БВЦА — регион Ближнего Востока и Центральной Азии.
Представленная выше информация по состоянию на 6 апреля 2020 года.

²Более подробно см. монитор политики на веб-сайте МВФ: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19>.

регулирования и надзора на финансовом рынке могут также поощрять — на временной основе и на ограниченные сроки — продление сроков погашения кредитов, одновременно продолжая регулярно проверять обслуживание этих кредитов и их возможные финансовые последствия (апрельский выпуск *Доклада по вопросам глобальной финансовой стабильности* 2020 года). По состоянию на 7 апреля семь центральных банков региона, в том числе в Бахрейне, Марокко и ОАЭ, предоставили около 50 млрд долларов своим финансовым системам для поддержки ликвидности во время борьбы с COVID-19.

В условиях более слабого внешнего спроса и более жестких финансовых условий многие страны столкнулись с проблемами на внешнеэкономическом фронте. Странам с гибкими обменными курсами и низкой инфляцией следует допустить некоторую корректировку обменного курса в целях компенсации части шока. Как отмечается в главе 3, в целях сдерживания потенциального оттока капитала и влияния сдвигов в обменном курсе на инфляцию может потребоваться проведение более жесткой денежно-кредитной политики (и валютных интервенций). При этом можно рассмотреть меры макроprudенциальной политики и временные меры регулирования потоков капитала для защиты финансовой стабильности.

Таблица 1. Бюджетные меры в ответ на вспышку COVID-19

	Дополнительные меры на стороне поступлений	Дополнительные меры на стороне расходов
Армения		✓
Азербайджан		✓
Бахрейн	✓	✓
Египет	✓	✓
Грузия	✓	✓
Иран	✓	✓
Ирак		✓
Казахстан	✓	✓
Кувейт	✓	✓
Ливия		✓
Мавритания	✓	✓
Марокко	✓	✓
Пакистан	✓	✓
Саудовская Аравия	✓	✓
Судан		✓
Тунис	✓	✓
ОАЭ	✓	✓
Узбекистан	✓	✓

Источник: официальные органы стран.

Примечание. Представленная выше информация по состоянию на 6 апреля 2020 года.

3. Кавказ и Центральная Азия Перед лицом общемировой проблемы

Начало пандемии заболевания, вызываемого коронавирусом (COVID-19) и резкое падение цен на нефть после распада коалиции Организации стран – экспортеров нефти и других крупнейших производителей нефти (ОПЕК+) спровоцировало в странах Кавказа и Центральной Азии (КЦА) экономический спад, который ожидается более глубоким, чем во время мирового финансового кризиса 2008 года и шока 2014–2016 годов. Это ослабило в целом динамичный рост, отмечавшийся с 2017 года и отчасти обусловленный общим укреплением макроэкономических основ и буферных резервов. Несмотря на факторы неопределенности в отношении темпов разворачивания и глубины пандемии и ее гуманитарных, экономических и финансовых последствий, экономические перспективы связаны со значительными рисками недостижения прогнозируемых темпов роста. В ближайшей перспективе меры политики должны быть нацелены на сдерживание человеческого и экономического ущерба, наносимого пандемией COVID-19, и на ограничение ее негативных последствий.

Неотложные глобальные проблемы

В условиях уже предпринятых мер сдерживания и ограничения последствий пандемии экономические перспективы региона КЦА представляются заметно худшими, чем во время мирового финансового кризиса и шока 2014–2016 годов. На 2020 год в регионе КЦА прогнозируется отрицательный рост на уровне 1,7 процента ВВП, что представляет собой пересмотр прогноза в сторону понижения более чем на 6 процентных пунктов ВВП со времени октябрьского выпуска издания «*Перспективы развития региональной экономики. Ближний Восток и Центральная Азия*» 2019 года.

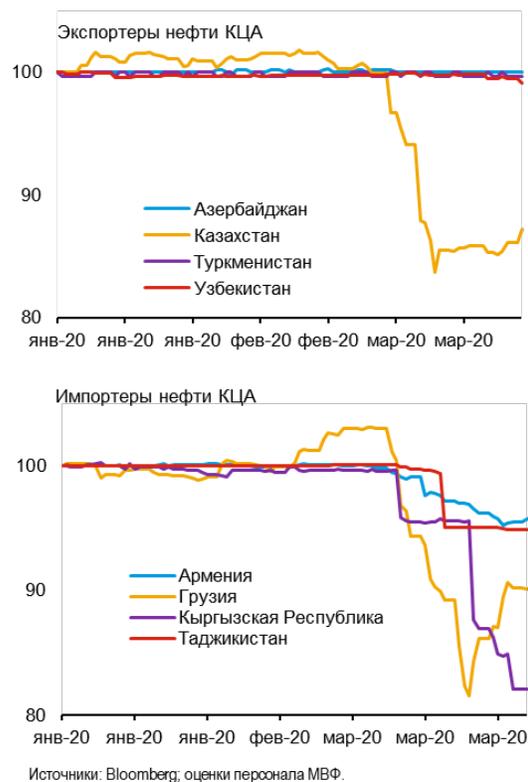
Текущая ситуация представляет собой многосторонний кризис. Прежде всего

и главным образом это *внутренний кризис, касающийся здоровья населения*, срочно требующий принципиальных мер сдерживания и ограничения последствий. Пандемия и карантинные меры также оказывают *шоковое воздействие на спрос и условия торговли*, а также вызывают *шоки на стороне предложения*, в том числе вследствие нарушений в цепях поставок. Параллельное *ужесточение финансовых условий* усугубляет ситуацию, с которой сталкиваются страны КЦА. Такое развитие событий оказывает значительное неблагоприятное влияние на экономические перспективы региона.

- Наиболее значимым фактором является то, что снижение мирового спроса на нефть усугубилось недавним распадом соглашения ОПЕК+ и последующими решениями Саудовской Аравии и других стран увеличить производство нефти. Произошедшее в результате этого сильное падение цен на нефть более чем на 50 процентов с января — в сочетании со снижением цен на другие биржевые товары — сильно скажется на странах КЦА, экспортирующих нефть. В 2019 году в Азербайджане, Казахстане и Туркменистане на экспорт нефти и газа приходилось 20–35 процентов ВВП. Более 80 процентов экспорта Туркменистана направляется в Китай, который вместе с Италией остается значимым направлением экспорта и для Азербайджана и Казахстана. Хотя ожидается, что снижение цен на нефть положительно скажется на странах КЦА, являющихся ее импортерами, потрясения на стороне спроса, связанные с уменьшением денежных переводов из России, могут нейтрализовать часть этого положительного влияния.

- Объемы импорта из пострадавших от кризиса стран — торговых партнеров также являются значительными как для экспортеров нефти, так и для импортеров нефти в регионе КЦА. Примерно 35 процентов импорта в Кыргызскую Республику поступает из Китая. Более 40 процентов импорта Узбекистана приходится на пострадавшие от кризиса страны — торговые партнеры в Азии и Европе. Наблюдаются также нарушения поставок, вызывающие уменьшение связанных с импортом налоговых поступлений и всплески цен на внутреннем рынке (Кыргызская Республика, Таджикистан).
- Глобальный спад в сфере туризма станет дополнительным фактором, сдерживающим рост, особенно в странах, где на расходы приезжающих в страну туристов приходится значительная доля ВВП или экспорта (Армения, Грузия, Кыргызская Республика).
- До начала пандемии международные резервы и уровни долга оценивались как в целом адекватные и устойчивые, но резкое падение цен на биржевые товары и ожидаемое уменьшение денежных переводов вследствие, в частности, ожидаемого замедления роста в России создают давление на национальные валюты (рис. 3.1) и на спреды по суверенным обязательствам. Некоторые валюты с гибким курсом, такие как казахстанский тенге и грузинский лари, упали до рекордно низких уровней, в соответствии со снижением курсов валют стран с формирующимся рынком. В то время как курсы кыргызского сома и таджикского сомони несколько снизились, другие валюты с регулируемым курсом в целом оставались стабильными, поскольку спрос на доллары компенсировался либо за счет увеличения валютных аукционов, либо рационированием. Параллельно с этим произошло значительное увеличение спредов по суверенным обязательствам по сравнению с их низким уровнем в середине февраля, и это повышение (более чем на 400 базисных пунктов) в Азербайджане, Грузии и Таджикистане в целом соответствует

Рисунок 3.1.
Обменные курсы валют
(Индекс, январь 2020 = 100)

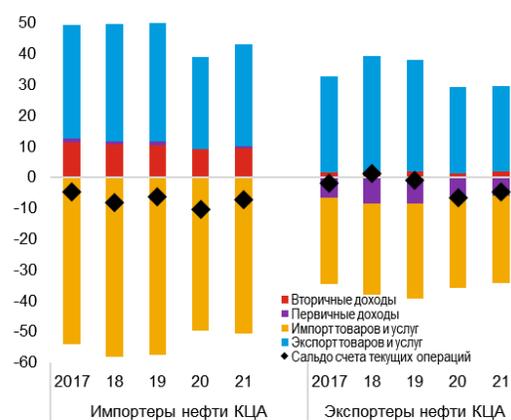

динамике в странах с формирующимся рынком, но ведет к увеличению стоимости обслуживания долга и рефинансирования и еще более ограничивает имеющееся бюджетное пространство.

Улучшения макроэкономических основ со времени внешнего потрясения 2014–2016 годов сгладили процесс управления ходом кризиса в большинстве стран КЦА. Повышение прозрачности в бюджетной сфере и совершенствование управления государственными финансами, введение бюджетных правил и более гибкого обменного курса, а также модернизация основ денежно-кредитной политики укрепили макроэкономическую стабильность и создали защитные буферы. В 2019 году рост в КЦА характеризовался стойкостью: он составил 4,8 процента, и объем производства увеличивался быстрее, чем предполагалось в октябрьском выпуске *«Перспектив развития региональной экономики»*:

Рисунок 3.4.
Сальдо счета текущих операций
(В процентах ВВП)

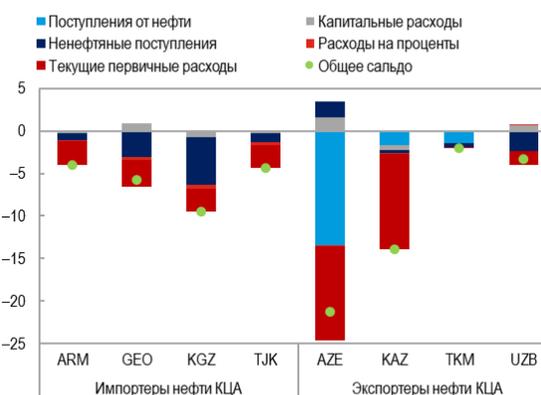
Источники: официальные органы стран, расчеты персонала МВФ.
Примечание. Счет первичных доходов показывает потоки доходов между резидентами и нерезидентами. Первичные доходы отражают возмещение за предоставление труда и финансовых активов (в форме прямых инвестиций, портфельных инвестиций, других инвестиций и резервных активов) и за передачу природных ресурсов в аренду. Счет вторичных доходов показывает текущие трансферты между резидентами и нерезидентами, включая денежные переводы работников. КЦА — Кавказ и Центральная Азия.

предполагается дальнейшее ухудшение сальдо бюджета (см. рис. 3.5). Более высокие неотложные расходы, связанные с пандемией COVID-19 в большей части региона, в сочетании с существенно более низкими государственными поступлениями (уменьшение на 3,4 процента ВВП) могут привести к дальнейшему ухудшению сальдо бюджета и в некоторых случаях вызвать значительные дополнительные потребности в финансировании.

До настоящего времени финансовые системы в регионе сохраняли стабильность, но в текущих обстоятельствах в них обнаруживаются факторы уязвимости. Например, недавнее увеличение темпов роста розничного и ипотечного кредита сопровождалось ослаблением стандартов кредитования и предоставлением субсидированных и целевых кредитов (Азербайджан, Казахстан, Кыргызская Республика). Проверка качества активов 14 крупнейших банков в Казахстане выявила потребности в дополнительном капитале в четырех из этих банков. Урегулирование и реструктуризация банков остаются на повестке дня в Кыргызской Республике и Таджикистане. Официальные органы Азербайджана недавно

продлили до декабря гарантию по депозитам, которая истекла в марте. Однако в текущих условиях вероятно увеличение необслуживаемых кредитов, и может повыситься напряженность в сфере ликвидности. Банки могут оказаться под давлением, что приведет к обращению за поддержкой к государству и центральному банку. Некоторые центральные банки в регионе уже рассматривают вопрос о послаблении в применении норм для определенных типов заемщиков (домашних хозяйств и малых и средних предприятий [МСП]).

Рисунок 3.5.
Изменение общего сальдо бюджета, 2020 год
по сравнению с 2019 годом
(В процентах ВВП)

Источник: МВФ, база данных издания «Перспективы развития мировой экономики».
Примечание. Увеличение (уменьшение) поступлений вносит положительный (отрицательный) вклад в сальдо бюджета. Увеличение (уменьшение) расходов вносит отрицательный (положительный) вклад в сальдо бюджета. ARM — Армения, AZE — Азербайджан, GEO — Грузия, KAZ — Казахстан, KGZ — Кыргызская Республика, TJK — Таджикистан, TKM — Туркменистан, UZB — Узбекистан, КЦА — Кавказ и Центральная Азия.

В рамках базисного сценария, если вспышки заболевания не окажутся продолжительными, прогнозируется восстановление и стабилизация роста в среднесрочной перспективе. Однако для этого прогноза характерно доминирование рисков снижения роста, и обострение пандемии остается первоочередным и крупным риском. Более продолжительный глобальный спад может вызывать дальнейшее ослабление мирового спроса и снижение цен на биржевые товары, что скажется на экспортёрах нефти КЦА. Более продолжительный период низких цен на биржевые товары может привести к внешнеэкономическому и бюджетному давлению, в том числе вследствие вторичных

воздействий на торговлю и денежные переводы из-за снижения роста в России. Ужесточение мировых финансовых условий может вызвать неупорядоченную динамику на рынках в странах, зависящих от внешнего финансирования и имеющих ограничения в сфере ликвидности, что может привести к проблемам платежеспособности. Соответственно, задача возобновления экономического роста станет более сложной.

Принятие мер в ответ на текущие потрясения

В ответ на пандемию COVID-19 и шок цен на нефть страны предпринимают разнообразные ответные меры.

- В большинстве стран введен запрет на поездки, закрыты границы и введены меры социального дистанцирования и самоизоляции.
- В Кыргызской Республике и Таджикистане директивные ставки были повышены на 75 и 50 базисных пунктов, соответственно, исходя из обеспокоенности повышением цен на продовольствие. В Казахстане директивная ставка повышена примерно на 275 базисных пунктов, а затем введен плавающий курс тенге.
- В Казахстане объявлено о крупном пакете бюджетной поддержки, состоящем из мер на стороне расходов и на стороне поступлений и распространяющемся на здравоохранение, домашние хозяйства и МСП, в сумме 9 процентов ВВП. В Армении также развернут пакет бюджетных мер, оцениваемый в 3,5 процента ВВП и касающийся в основном расходов на здравоохранение. В Азербайджане, Грузии и Узбекистане также объявлено о пакетах бюджетных мер в размере 1–3 процента ВВП, в том числе нацеленных на косвенные экономические последствия пандемии.
- В Армении рассматривается вопрос о введении программы субсидируемых кредитов на 24–36 месяцев для домашних хозяйств и МСП. В Грузии ослаблены некоторые из ужесточенных ранее макропруденциальных мер. До настоящего времени ни одна из стран не сообщила об обращении к мерам регулирования потоков капитала.

В целом страны достаточно эффективно осуществляют коммуникацию, справляются с давлением на обменный курс и планируют осуществление дополнительных расходов, связанных со здравоохранением. Однако по мере обострения пандемии в регионе могут потребоваться дополнительные меры.

В ближайшей перспективе среди приоритетов остается принятие мер в связи с человеческим и экономическим ущербом, наносимым пандемией COVID-19, и ограничение ее последствий. Для решения некоторых из наиболее острых проблем, связанных с пандемией, наиболее адекватными являются адресные меры бюджетной и финансовой поддержки. Странам, которые затронула вспышка вируса, следует осуществлять прямые и срочные бюджетные расходы для устранения ограничений в имеющемся потенциале услуг здравоохранения и для сдерживания распространения заболевания. Это может включать меры сдерживания, такие как формирование временных медицинских платформ для помещения людей на карантин и лечения заболевших. Официальные органы могут также рассмотреть вопрос о введении налоговых мер и мер в сфере управления государственными поступлениями для содействия импорту медикаментов, личных средств защиты, товаров медицинского назначения и смежных товаров.

В дополнение к этому следует вводить адресные социальные расходы (денежные трансферты беднейшим домашним хозяйствам, особенно тем, которые пострадали от уменьшения

денежных переводов и потери занятости), а также временные субсидии или отсрочки налоговых платежей для наиболее пострадавших компаний (в частности, МСП и гостиничного хозяйства). В нескольких странах имеется бюджетное пространство (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан) для возможного проведения этих мер без перераспределения средств из существующих планов. В случае таких отклонений от бюджетного плана следует четко объяснять, что это связано с временными усилиями по решению неотложной проблемы. Однако в общем случае масштабы требуемых ответных мер, особенно в случае ограниченного бюджетного пространства, потребуют согласованной международной поддержки, способствующей созданию временного пространства для выбора мер политики, в дополнение к тщательной переориентации приоритетов в области расходов.

Меры денежно-кредитной и курсовой политики будут играть принципиально важную и дополняющую роль в противодействии последствиям шоков спроса и условий торговли, вызванных пандемией. Поэтому в странах с гибкими обменными курсами, вызывающими доверие основами денежно-кредитной политики, низкой инфляцией и относительно умеренными несоответствиями в позициях по валютам (таких как Армения, Грузия и Казахстан), функцию амортизатора могут выполнять обменные курсы. Однако в странах, где основы денежно-кредитной политики вызывают меньшее доверие, инфляция является недостаточно закрепленной и имеются крупные нехеджированные открытые позиции в балансах, может быть целесообразно ужесточить денежно-кредитную политику, чтобы избежать давления в сторону оттока капитала, который может вызвать неупорядоченную динамику обменного курса, спираль инфляции и подавление экономической активности. Денежно-кредитная политика не обязательно всегда является первой линией обороны для реагирования на отток капитала. Учитывая обеспокоенность

в отношении потоков капитала, могут также использоваться валютные интервенции и меры регулирования потоков капитала в сочетании с макропруденциальными мерами, чтобы защитить финансовую стабильность в случае чрезвычайного внешнего давления на стабильность в системном масштабе. Однако такие меры должны быть прозрачными и временными, не заменяя необходимую макроэкономическую корректировку.

Кроме того, официальные органы должны обеспечивать достаточное предложение ликвидности и средств в рамках механизмов экстренного финансирования с залогом для банков, чтобы они могли поддерживать пострадавшие компании.

МВФ поддерживает страны КЦА, предоставляя им рекомендации по вопросам политики и финансовую поддержку, чтобы создать пространство для дополнительных мер. В этих условиях Кыргызская Республика стала первой страной-членом, получившей ресурсы (120 млн долларов) в рамках инструмента для ускоренного финансирования и механизма ускоренного кредитования МВФ в ситуации после начала пандемии. Другие страны региона также запросили финансирование со стороны МВФ. В этой работе МВФ также тесно координирует свою деятельность с другими международными и региональными финансовыми организациями для обеспечения полной поддержки своих стран-членов.

КЦА: отдельные экономические показатели

	Среднее				Прогнозы	
	2000–2016	2017	2018	2019	2020	2021
Рост реального ВВП	7,4	4,0	4,3	4,8	-1,0	4,7
<i>(годовое изменение, в процентах)</i>						
Армения	6,6	7,5	5,2	7,6	-1,5	4,8
Азербайджан	9,5	0,2	1,5	2,3	-2,2	0,7
Грузия	5,5	4,8	4,8	5,1	-4,0	3,0
Казахстан	6,9	4,1	4,1	4,5	-2,5	4,1
Кыргызская Республика	4,4	4,7	3,5	4,5	-4,0	8,0
Таджикистан	7,7	7,1	7,3	7,5	1,0	5,5
Туркменистан	9,7	6,5	6,2	6,3	1,8	6,4
Узбекистан	6,8	4,5	5,4	5,6	1,8	7,0
Инфляция потребительских цен	9,1	9,4	8,3	6,8	7,7	6,9
<i>(средняя за год, в процентах)</i>						
Армения	3,8	1,0	2,4	1,4	0,8	2,0
Азербайджан	6,3	12,8	2,3	2,6	3,3	3,2
Грузия	5,1	6,0	2,6	4,9	4,6	3,7
Казахстан	8,6	7,4	6,0	5,2	6,9	6,8
Кыргызская Республика	8,0	3,2	1,5	1,1	10,6	7,2
Таджикистан	12,5	7,3	3,8	7,8	8,1	6,9
Туркменистан	5,6	8,0	13,3	5,1	8,0	6,0
Узбекистан	13,8	13,9	17,5	14,5	12,6	10,6
Общее сальдо бюджета сектора государственного управления	1,6	-2,8	2,0	0,6	-5,6	-3,1
<i>(в процентах ВВП)</i>						
Армения ¹	-3,4	-4,8	-1,8	-1,0	-5,0	-2,5
Азербайджан ¹	5,9	-1,4	5,5	8,4	-12,8	-9,7
Грузия	-2,0	-2,7	-2,3	-2,0	-7,8	-3,8
Казахстан	2,1	-4,3	2,5	-0,6	-5,3	-2,7
Кыргызская Республика	-4,0	-3,7	-0,6	-0,1	-9,6	-6,4
Таджикистан	-2,9	-6,0	-2,8	-2,1	-6,4	-3,0
Туркменистан ²	2,4	-2,8	-0,2	-0,3	-2,3	-0,5
Узбекистан	0,5	1,6	2,1	0,0	-3,3	-1,3
Сальдо счета текущих операций	0,2	-2,3	0,2	-1,6	-7,2	-5,0
<i>(в процентах ВВП)</i>						
Армения	-8,1	-3,0	-9,4	-8,2	-8,6	-7,2
Азербайджан	7,7	4,1	12,8	9,2	-8,2	-3,7
Грузия	-10,8	-8,1	-6,8	-5,1	-10,5	-6,9
Казахстан	-1,1	-3,1	-0,1	-3,6	-6,8	-5,5
Кыргызская Республика	-5,7	-6,2	-12,1	-9,1	-16,6	-11,0
Таджикистан	-9,0	2,2	-5,0	-3,3	-7,7	-4,5
Туркменистан	-10,0	-10,4	5,5	5,1	-1,4	-0,4
Узбекистан	4,0	2,5	-7,1	-5,6	-9,4	-6,4

Источники: официальные органы стран и оценки и прогнозы персонала МВФ.

¹Центральное правительство.

²Органы государственного управления.

PUBLICATIONS

REGIONAL ECONOMIC OUTLOOK (RUSSIAN)
MIDDLE EAST AND CENTRAL ASIA - APRIL 2020